

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Елены Сергеевны МАТРОСОВОЙ «Агитационно-рекламная функционализация послеоктябрьского творчества В.В.Маяковского в свете его жизнетворчества и жизнестроения», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература

Маяковский был и остается востребованнейшим поэтом для всех, кто размышляет о судьбах отечественной поэзии XX века. С полным правом можно говорить о такой отрасли гуманитарного знания, как маяковсковедение. Спада интереса к личности и творчеству поэта столетие, минувшее со времени его первых выступлений и публикаций, не знало, а вот всплески – многократно. И постсоветские времена – тому свидетельством. Они, однако, отмечены чрезвычайно контрастными характеристиками и оценками литературного наследия поэта и самой его персоны. Тем самым подтверждается прозорливость его строк, датированных 1926 годом: «Подведите // мой // последний баланс! // Я утверждаю // и знаю – // не налгу: // на фоне // сегодняшних // дельцов и пролаз // я буду // – один! – // в непролазном долгу».

И счет поэту предъявляют не одни лишь «дельцы и пролазы». Вот в мемуарной книге «Неувядаемый цвет» Николай Любимов настаивает: «Маяковский был одним из рекорсменов советского подхалимажа... И жизнь ему воздала должное, не посмотрев на его несомненное дарование: поле его поэзии заросло травой забвения». С классиком перевода солидаризируется один из авторитетных исследователей отечественной поэзии Александр Жолковский, который видит в «горлане-главаре» «литературное воплощение примитивности, злобы, мучительства, мегаломании, демагогии и позерства». В этих обстоятельствах предпринятое Еленой Сергеевной Матросовой аналитическое рассмотрение деятельности поэта в свете жизнетворческого и жизнестроительного факторов представляется, без сомнения, актуальным.

В работе, насчитывающей 188 страниц и включающей введение, три главы и заключение, поставлен ряд важных исследовательских задач. Исходя из принципиальной убежденности в единстве творчества Маяковского и опираясь на литературное наследие поэта в полном его объеме, соискательница предлагает доказательное обоснование внутренних предпосылок его состоявшегося после Октября обращения к агитации и рекламе, к теоретическому и практическому «жизнестроению». Учитывая авангардистскую природу поэтики своего героя, диссертантка в *первой* главе

собственного труда выявляет агитационный и саморекламный потенциал его дореволюционного творчества, чем, конечно же, дополняет имеющиеся в литературоведении трактовки деятельности раннего Маяковского. Эти страницы показывают, что советские строчки поэта генетически связаны с авангардистской почвой дооктябрьской его поэзии. Бунтарский герой стихов и поэм Маяковского-футуриста, стремясь «докричаться до слушателя» (с.53), опирается на «декларативно-риторические» возможности стиха. Могу дополнить доводы соискательницы ссылкой на то, что А.В.Луначарский, отвечая В.И.Ленину, предлагавшему, как известно, за потворство автору поэмы «150 000 000» «сечь» наркома просвещения «за футуризм», на обороте записки со столь средневековым вердиктом счел возможным мотивировать свою расположенность к тиражированию этой поэмы еще и тем, что «при чтении самим автором вещь имела явный успех, притом и у рабочих».

Самое же существенное в данном исследовании определяется тем, что в нём удастся показать послереволюционную трансформацию эстетики и творческого поведения поэта, обусловившую возникновение целостной агитационно-рекламной концепции в рамках общего процесса *прикладной функционализации* (категория, вводимая диссертанткой). Это, в свою очередь, делает возможным существенно обновить представления об этапах формирования и основных составляющих данной поэтической системы – системы, в которой происходит парадоксально-органичное совмещение личностно-биографического, идеологического, социального, просветительского, коммерческого и «технологического».

Во *второй* и *третьей* главах предлагаются не общие соображения или отдельные наблюдения о Маяковском-рекламисте (каковых предшественники высказали немало) – здесь развернута именно концепция, включающая в себя агитацию и рекламу в качестве составляющих авторского жизнестроительного мифа; здесь подробно рассматриваются предпосылки, факторы, закономерности выдвижения агитации и рекламы на первый план в русле общей трансформации творческих принципов в сторону прикладной функционализации искусства. Этот процесс тесно увязывается автором диссертации, с одной стороны, с драматическими последствиями «реализованной» авангардной утопии вторжения искусства в жизнь, а с другой – с неотделимым от всего житнетворческого мифа имиджем Маяковского. Соискательница хоть и называет третью главу так, будто почти готова поддакивать А.К. Жолковскому или Н.М. Любимову («В.Маяковский – имиджмейкер»), но, выявляя сложную диалектику рационального и интуитивного, неожиданно-точно интерпретирует

затертые от цитирования слова поэта о том, что он «смирять себя, становясь на горло собственной песне»: из диссертации следует, что поэт действительно себя *смирять*, чувствуя в себе потребность быть заодно с *миром* социальной новизны.

Вообще содержательность исследования поддержана тем, что оно открыто дискуссионности, поскольку соискательнице ведомо, что принципиальная возможность неприятия Маяковского и его имиджа содержится в самой «пограничности» феномена этого романтика от авангардизма. Не случайно в воспоминаниях и литературоведческих штудиях образ Маяковского так часто двойится. Ситуация «советского авангардиста», что показано в работе, «дважды двусмысленна»: на провокационную пограничность авангарда «вообще» накладывается неразрешимая противоречивость всего послеоктябрьского художественного проекта, столь ярко и трагично (с точки зрения посмертной репутации тоже) воплощенная в фигуре того, «кто вышел // строить и мечь// в сплошной лихорадке буден» и кто в Окнах РОСТА прилежно запечатлевал свидетельства *роста* юной Страны Советов. Реальная дифференциация послеоктябрьской поэзии Маяковского проходит, как свидетельствует рассматриваемый труд, не по линии «массовая»/«инженерная», как считал сам поэт, и не по логике «искренность / конъюнктура», как полагают его оппоненты, а по другому принципу, который диссертантка называет принципом полной или неполной прикладной *функционализации* поэтического текста.

Хотя предлагаемый термин не кажется мне фонетически безупречным, но филологически в работе он вполне оправдан. Вообще диссертация хорошо написана и с интересом читается. Возражения к ней и замечания у меня, можно сказать, или субъективны, или гомеопатичны. Так, в третьей главе Елена Сергеевна, несколько раз ссылаясь на мои соображения, солидаризируется с ними, но однажды (с. 161) замечает, что «Л.П. Быков вписывает Маяковского в типологический ряд поэтов-декламаторов, а при всей верности этой типологии, категории творческого поведения оказывается явно недостаточно, чтобы выделить Маяковского из ряда (ряд слишком объемён и “разношерстен”»». Но типология ведь на то и типология, что она призвана не выделять, а объединять. Еще, дотошности ради, отмечу, что в названии статьи «Как делать стихи?», которой посвящен отдельный параграф, знак вопроса фигурирует лишь в двух упоминаниях из одиннадцати. Пропало имя поэта из названия сосчитанной в сноске на с.6 известной книги Н. Харджиева и В. Тренина «Поэтическая культура Маяковского». Дважды – на с. 155 и 159 – в фамилии поэта Б.Лившица

вместо «в» читается «ф», хотя в «Списке литературы» она написана правильно. Зато в этом солидном перечне, состоящем из 237 позиций, выпущенная издательством «Советский писатель» резонансная книга Ю.Карабчиевского «Воскресение Маяковского» (М., 1990) приписана издательству «Современник», которое ни при какой погоде не могло издать этот текст и вообще этого автора. Полагаю также, что в перечне публикаций, вполне отражающих основные положения диссертационного труда, можно было обойтись без «одностраничной» позиции 4, коей не только названием буквально вторит позиция 5.

В целом же диссертация «Агитационно-рекламная функционализация послеоктябрьского творчества В.В.Маяковского в свете его житнетворчества и жизнестроения», полностью отвечает критериям, указанным в пп. 9-11 и 13 -14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 за № 842. Написанная самостоятельно, обладающая внутренним единством и научной новизной, отмеченная аргументированностью характеристик и выводов, эта научно-квалификационная работа существенно обогащает представления о феномене творчества и имиджа Маяковского, а обоснованная в ней категория *прикладной функционализации* обладает существенным теоретическим потенциалом.

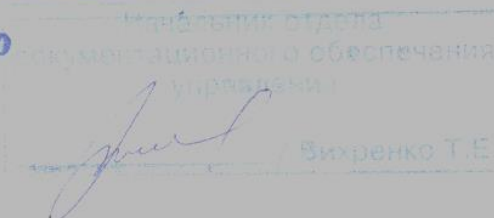
Сказанное позволяет сделать вывод о том, что автор рассматриваемой диссертации Елена Сергеевна Матророва безусловно заслуживает искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Леонид Петрович Быков,
 доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой
 русской литературы XX и XXI веков ИГНИ ФГАОУ ВПО «Уральский
 федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»
 (620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19 (343)375-45-07, 375-46-
 09; rector@urfu.ru факс: 375-97-78)

Л.С. Матророва

Заверяю

Вихренко Т.Е.